

ОРХАН ДЖЕМАЛЬ

Пятидневная война

ПАЛЬМИРА

Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 9
ББК 84(2Рос-Рус)
Д40

Фотографии из архива автора

Джемаль О.

Д40 Пятидневная война / Орхан Джемаль. — М. ; СПб. : «Т8
Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 217 с. :
ил. — (Серия «Пальмира — история»).

ISBN 978-5-517-02868-6

Документальное повествование российского военного журналиста Орхана Джемала о пятидневном российско-грузино-осетинском военном конфликте, произошедшем в августе 2008 года.

**УДК 9
ББК 84(2Рос-Рус)**

ISBN 978-5-517-02868-6

© Джемаль О. Г., наследники, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ПРОЛОГ

Через полтора месяца

после окончания войны. Москва

Понемногу я стал даже забывать, как именно все тогда происходило. А где-то через полтора месяца после того, как война закончилась, мне на мобильник позвонил офицер-спецназовец из чеченского батальона «Восток»:

— Ты заскочи к нам в Одинцово, на квартиру к комбату. Мы тут тебя к награде представили, так заberi медальку.

Медаль мне вручал командир «Востока» Сулим Ямадаев. Наверное, он вручал такие медали всем, кто был с ним в Грузии. Я знал, что не сделал ничего, за что бы мне следовало получить эту награду. Что Сулим представил меня к награде из дружбы-симпатии, которая часто возникает между людьми, оказавшимися вместе в серьезной переделке. Он наверняка чувствовал, что я именно так думаю. Чтобы скрыть неловкость я пошутил:

— Соберешься на еще какую-нибудь войну — зови. Мне с вами понравилось.

Я вернулся домой, включил телевизор. Показывали награждение в Кремле. Имени Ямадаев в репортаже не прозвучало. А ведь в первые послевоенные дни ходили разговоры, что ему дадут второго Героя. Как иначе? Ведь если бы не «Восток», война уж точно не была бы пятидневной.

Моя медаль лежала в пластиковой коробочке. Красно-сине-желто-белая муаровая лента. На золотистом

диске заснеженные пики и танки, ползущие по горной дороге. На обороте надпись: «За принуждение к миру. Август 2008». К медали прилагается желтенькое картонное удостоверение: сверху мое имя, снизу подпись командующего миротворческой группой в зоне грузино-осетинского конфликта генерал-майора Марата Кулахметова.

Разумеется, никого ни к какому миру я не принуждал, а просто прибил к «Востоку» в разгар российско-грузинской войны и вместе с ними прошел от Цхинвала до Гори. Даже не уверен, что меня можно называть «участником боевых действий». Чеченцы — да. Они участвовали: стреляли, убивали, брали в плен. А я лишь присутствовал в качестве журналиста и нажимал не на курок, а на спуск фотокамеры. Кроме того, итоги этой пятидневной войны неоднозначны. К вечеру 12 августа стало ясно, что Россия полностью выиграла военную операцию, но потерпела сокрушительное поражение в информационной баталии. Стало быть, ребята из батальона «Восток» по-любому заслужили награды, а вот что касается меня — большой вопрос.

Мое издание с непатриотично-американским названием «Newsweek» и германским уставным капиталом было, в общем-то, против моего присутствия в зоне конфликта. Ежедневно со мной связывался мой шеф, зам главного редактора Степан Кравченко, — несмотря на войну, грузинский роуминг работал как часы. Степан ультимативно требовал, чтобы я вернулся.

— Звонили из Берлина, интересовались, есть ли кто из наших в Южной Осетии. После того как год

назад наш фотограф подорвался в Ираке, они следят, чтоб «ньюсвиковцы» в горячих точках не работали.

— Так ведь Южной Осетии и не было в горячечечном списке...

— Внесли. Через два часа после того, как ты улетел. Так что давай быстро назад в Москву.

Все последующие дни я беззастенчиво врал ему, что пытаюсь выехать из Цхинвала во Владикавказ... а теперь уже даже выехал... а теперь уже нахожусь на полпути, но дороги забиты идущей навстречу военной техникой... то есть я возвращаюсь, возвращаюсь... только возвращение продвигается чертовски медленно.

На самом деле я действительно покинул Цхинвал, но двигался не на север, в Россию, а на юг, в Грузию. И сидел не в «жигуле»-попутке, а на броне трофейной БМП: чеченцы захватили ее у грузин. Степа в очередной раз позвонил мне сразу после боя в грузинском приграничном селе Земо Никози, и я в очередной раз бодро тараторил, что боевые действия, по сути, давно закончились, а мне осталось всего ничего до Владика. Мой голос перекрывала канонада, и Степа слышал этот фон. Вместо вопроса «А что это за звуки?» я услышал печальное:

— Ну, ты все-таки будь там осторожнее...

Степа понимал, что я вру.

Тот самый офицер, что позже звонил мне по поводу медали, тогда с любопытством осмотрел меня: воющая футболка, которую я не снимал уже неделю, лицо в грязных разводах, локти, содранные в кровь от ползания по-пластунски... Пальцы судорожно сжимают фотоаппарат.